

ТРЕБОВАНИЯ К ДОКАЗЫВАНИЮ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ В СЛУЧАЯХ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ВСЛЕДСТВИЕ ВАКЦИНАЦИИ ОТ COVID-19: ЗАМЕЧАНИЯ К НЕМЕЦКОМУ ПРАВУ

Проф. Д-р *Райнер Г.*, заведующий кафедрой гражданского, коммерческого, корпоративного и налогового права,
Пиплак А., научный сотрудник кафедры
Университет Хельмута Шмидта, г. Гамбург

Аннотация. В статье анализируются особенности доказывания причинно-следственной связи на примере причинения вреда вследствие вакцинации путем краткого обзора основных механизмов доказывания причинно-следственной связи в немецком праве. Авторами поднимается вопрос о том, насколько высокой должна быть вероятность типичного побочного действия лекарственного препарата (вакцины), чтобы можно было сделать предположение о возникновении побочного действия именно вследствие введения данного лекарственного препарата (вакцины).

Ключевые слова: причинно-следственная связь, уменьшение стандарта доказывания, презумпция причинно-следственной связи, принципы доказывания.

REQUIREMENTS FOR PROVING A CAUSAL RELATIONSHIP IN CASES OF HARM CAUSED AS A RESULT OF VACCINATION AGAINST COVID-19: REMARKS ON GERMAN LAW

Prof. Dr. *Rainer G.*, Head of the Department of Civil, Commercial, Corporate and Tax Law,
Piplak A., Research associate of the Department
Helmut Schmidt University, Hamburg

Abstract. The article analyzes the features of proving a causal relationship by the example of harm caused by vaccination by a brief overview of the main mechanisms of proving a causal relationship in German law. The authors raise the question of how high the probability of a typical side effect of a drug (vaccine) should be in order to make an assumption about the occurrence of a side effect due to the administration of this drug (vaccine).

Keywords: causal relationship, reduction of the standard of proof, presumption of causal relationship, principles of proof.

А. Постановка проблемы: актуальность темы

Сообщения о побочных действиях, возникших после вакцинации одной из четырёх временно одобренных в ЕС вакцин против COVID-19, увеличиваются [1, с. 1]. Все чаще используется новый термин «поствакцинальный

синдром» («Post-Vac-Syndrom»). В частности, векторная вакцина AZD1222 от AstraZeneca неоднократно подвергалась критике в отношении применения ее для определенных групп пациентов; вакцина с мРНК от Pfizer/Biontech также вызывает проблемы. База данных EudraVigilance Европейского агентства лекарственных средств (EMA) показывает более миллиона возможных побочных реакций на TOZINAMERAN [2]. В Германии, по данным Ассоциации врачей обязательного медицинского страхования, число пациентов, обратившихся к врачу в 2021 году с возможными побочными эффектами в результате вакцинации от «Ковид», составило около 2,5 миллиона человек [3]. Это наблюдение ставит вопрос о требованиях по возмещению ущерба, предъявляемых к производителям, импортерам, вакцинирующим врачам и, не в последнюю очередь, к государству, которое проводит кампанию по вакцинации против «коронавируса» [4].

Гражданско-правовая ответственность производителей вакцин сама по себе не исключается одобрением лекарственного препарата (ст. 15 Регламента Европейского агентства лекарственных средств (ЕС) 726/2004 «Об установлении процедур Евросоюза по одобрению и надзору за лекарственными средствами, применяемые для лечения людей и по учреждению Европейского агентства лекарственных средств» – Регламент Агентства лекарственных средств). Закон о лекарственных средствах Германии (Arzneimittelgesetz – AMG) предусматривает ответственность фармацевтических компаний за ущерб в случае возникновения «побочных эффектов» от допущенных к использованию вакцин (и других лекарственных средств), превышающих «уровень, считающийся в медицинской науке приемлемым». К побочным эффектам относятся те последствия вакцинации, которые выходят за рамки обычной, все еще «приемлемой степени» реакции организма на вакцинацию [5] (ошибка при разработке или производстве) или выходят за рамки реакций, указанных в инструкции по применению препарата (ошибка в инструкции), при условии, что эта дезинформация стала причиной принятия/введения препарата (раздел 84 I AMG). В связи с наличием у лекарственных препаратов особого риска, заключающегося в опасности нанесения массового ущерба большому количеству пациентов, ответственность производителя считается безвиновной (так называемая строгая ответственность), в то же время она ограничена максимальным размером в 600 000 евро на человека. Нормы законодательства об ответственности за вину в рамках общего немецкого деликтного права также могут применяться (§ 91 AMG) к случаям поствакцинальных осложнений. В то же время нормы о строгой ответственности производителя в соответствии с Законом об ответственности за качество продукции (Produkthaftungsgesetz), который основан на требованиях европейского законодательства, не подлежат применению из-за наличия более специального законодательного регулирования – AMG.

Ответственность (договорная и/или деликтная) вакцинирующего врача за возникшие осложнения может наступить, если он допустил ошибку при вакцинировании, например, ввел вакцину в кровоток, или если он не проинформировал пациента о рисках, связанных с вакцинацией [6]. Вопрос о том,

не снижается ли требование по информированию о рисках, особенно в свете поставленной государством, органами здравоохранения и (в основном) научным сообществом цели достижения максимально возможного уровня вакцинации населения и соответствующего публичного резонанса («Вакцинация является безопасной»), находится за рамками настоящего исследования.

В отношении публичных органов применяются нормы об ответственности государства (ст. 34 Конституции ФРГ, § 839 ГГУ) и Европейского агентства лекарственных средств (ст. 72 II 1 Европейского Регламента (EG) 726/2004). Предпосылкой является не только виновное нарушение служебных обязанностей государственными должностными лицами, но и то, что данные обязанности служили именно целям защиты лиц, пострадавших от вакцинации. Последний пункт может отсутствовать в обязанностях государственных должностных лиц в рамках процедуры лицензирования и фармацевтического контроля за лекарственными препаратами.

В случае вакцинации против коронавируса, предписанной законом или официально рекомендованной компетентными органами, публично-правовое регулирование защиты населения от инфекций в конечном итоге предоставляет лицам, пострадавшим от вакцинации, право на государственную помощь (§ 60 Закона о профилактике и контроле инфекционных заболеваний человека, *Infektionsschutzgesetz – IfSG*). Речь идет о правовом требовании на социальную компенсацию, которая является выражением общей идеи самопожертвования. Речь идет не об ответственности за противоправное поведение, а о том, что даже в случае законных действий государственных органов определенные лица вынуждены претерпевать страдания от большего вмешательства в их права (в частности, права на здоровье), чем другие (так называемая «особая жертва»).

Конечно, наш краткий обзор был бы неполным без упоминания о частичном освобождении от ответственности именно в отношении вакцинации против коронавируса: § 5 II № 4 лит. а *IfSG* в сочетании с § 3 Постановления о гарантированном обеспечении медицинских потребностей от 25.5.2020 [*MedBVS*] отменяет некоторые центральные положения Закона о лекарственных средствах и Постановления о торговле лекарственными средствами, касающиеся распределения лекарств, если закупка вакцин инициируется Федеральным министерством здравоохранения [7]. Следовательно, ответственность фармацевтических компаний, производителей и медицинских работников (в частности, вакцинирующих врачей) в отношении последствий вакцинации исключается, при этом в отступление от § 84 AMG (который, по общему признанию, определяет ответственность только «фармацевтических компаний», а не, например, врачей), если эти продукты были выпущены на рынок Федеральным министерством здравоохранения в качестве реакции на пандемию COVID-19 и «в соответствии с обстоятельствами конкретного случая заявленные исключения из Закона о лекарственных средствах могут причинить ущерб» (§ 3 IV *MedBVS*) [8]. Кроме того, вышеупомянутые группы лиц несут ответственность – судя по всему, также в соответствии с общими правилами – только в случаях грубой неосторожности и умысла, в

той мере, в какой вред здоровью представляет собой «последствия» отступлений от Закона о лекарственных средствах [9]. Только в остальных случаях возникновения вреда вследствие вакцинации принимается во внимание обычная ответственность за вину со стороны названных субъектов (§ 3 IV 3 MedBVS) [10]. Считается, что большинство введенных в Германии доз вакцин были предоставлены Министерством здравоохранения в рамках механизма закупок ЕС [8], и, следовательно, на них распространяются вышеупомянутые ограничения ответственности.

Таким образом, ответственность за вред, причиненный вакцинацией против COVID-19, в Германии может иметь значение, в частности, в следующих аспектах:

1. Ответственность вакцинирующих врачей (или государства) за ущерб, возникший в результате неполного информирования о рисках вакцинации.

2. Ответственность производителей в той мере, в какой они, несмотря на (условное) одобрение выпуска вакцины, могут обвиняться в изготовлении дефектного препарата. Это может произойти, если станет известно о новой побочной реакции на вакцину, о которой не было известно на момент ее одобрения, или если известные случаи реакций на вакцину окажутся гораздо более распространенным, чем предполагалось ранее.

3. Публично-правовая обязанность государства по выплате социальной компенсации в случае официально рекомендованной или принудительной вакцинации.

Во всех случаях, для всех субъектов, включая государство, ответственность за вред, причиненный вакцинацией, предполагает доказывание причинно-следственной связи. В случае вредного воздействия лекарственных средств доказывание данного обстоятельства представляет сложность (см. Раздел С. ниже). Кроме того, далеко не все производители, врачи и власти выражают готовность отслеживать признаки возможных неблагоприятных последствий вакцинации. Поэтому все сводится к уменьшению стандарта доказывания и к тому, насколько высока должна быть вероятность вредного воздействия вакцины в целом и в отдельных случаях, чтобы можно сделать обоснованное предположение о наличии причинной связи.

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей доказывания причинно-следственной связи в случаях осложнений от применения лекарств и вакцин, мы сначала представим краткий обзор основных механизмов доказывания причинно-следственной связи в немецком гражданском процессе (раздел В. ниже).

В. Основы формирования доказательств

Спорные факты, имеющие значение для принятия решения по делу, требуют доказывания в суде, которое осуществляется с помощью доказательств, допустимых Гражданским процессуальным кодексом (ZPO) (ср. § 138 III ZPO). Правила так называемого объективного бремени доказывания определяют, какая сторона несет *non liquet*, т. е. должен ли суд признать истинным представление истца или ответчика.

В той мере, в какой сторона предлагает доказательства своего фактического утверждения, судья решает в принципе – в рамках законов логики и жизненного опыта – «по своему собственному убеждению», «следует ли считать их истинными или нет» (так называемая свободная оценка доказательств, § 286 I ZPO).

Еще один (правовой вопрос) касается необходимой степени убеждения судьи (так называемый стандарт доказательств). В принципе, требуется «полная убежденность» судьи (так называемый общий стандарт доказывания) [11]. С одной стороны, полное убеждение не должно приравниваться к «неопровержимой уверенности»; с другой стороны, в судебной практике также подчеркивается, что «простой вероятности» недостаточно [12]. Согласно формулировке Федерального Верховного суда, требуется, чтобы судья, принимающий решение, имел «определенную степень уверенности», соответствующей требованиям «практической жизни».

В принципе, задача стороны, которая несет бремя доказывания в рамках объективного бремени доказывания, заключается в том, чтобы предоставить доказательства таким образом, чтобы полностью убедить судью (конкретное бремя доказывания). Судебная практика дает некоторые послабления в отношении требований, которые должна выполнить сторона, чтобы убедить суд в своей правоте. Таким образом, в зависимости от конкретной процессуальной ситуации, существует подвижный промежуточный этап распределения конкретного бремени доказывания в зависимости от поведения другой стороны. К этой категории можно отнести правовые фигуры воспрепятствования доказательствам и распределения бремени обоснования требований в соответствии с областями восприятия [13].

Смягчение бремени доказывания с помощью доказательств *prima facie*, которое перекладывает конкретное бремя доказывания, идет дальше всего. Здесь речь идет про «учет судьей общего жизненного опыта в рамках свободной оценки доказательств» [14]. В этих случаях жизненный опыт говорит в пользу доказываемого факта настолько, что это в первую очередь дело другой стороны опровергнуть вытекающую из него «фактическую» презумпцию (в отличие от юридической презумпции).

Таким образом, очевидное доказательство причинно-следственной связи может быть возможным, например, в случае типичных причинно-следственных процессов, например, если кто-то заявляет в исковом порядке требование о возмещении ущерба, который по своей природе точно соответствует именно тому (типичному) ущербу, на защиту от которого направлен закон, на нарушении которого в свою очередь основано требование о возмещении ущерба [15].

В связи с нарушением обязанностей по раскрытию информации, например, банками или врачами в отношении инвестиционных или медицинских рисков, судебная практика идет еще дальше. В данном случае установлена презумпция в смысле реального перекладывания объективного бремени доказывания того, что клиент или пациент внимательно отнесся бы к информации о риске и воздержался бы от инвестиций или отказался бы от дачи со-

гласия на проведение медицинского вмешательства/лечения (так называемая презумпция «правильного поведения с учетом полученной информации»). В таких случаях охранительная цель нормы требует того, чтобы «неясности, вызванные нарушением обязанности по информированию, были возложены на лицо, обязанное предоставить информацию, поэтому оно должно доказать отсутствие причинно-следственной связи нарушения своей обязанности» [16]. Таким образом, если врач не проинформировал пациента об известных рисках вакцинации и если этот риск материализовался, на него возлагается бремя доказывания того, что пациент дал бы согласие на вакцинацию, даже если бы был надлежащим образом проинформирован [17].

Не ясно, можно ли в таких случаях предполагать не только то, что пострадавшая сторона действовала бы в соответствии с предоставленной ей информацией, но и то, что риск, о котором должна была быть предоставлена информация, материализовался. Как правило, причинно-следственная связь между предложенной инвестицией и убытками или между медицинским вмешательством и ухудшением здоровья должна быть бесспорной, но, возможно, в некоторых случаях это не требуется. Предположим, что миокардит является типичным побочным эффектом вакцинации и что у пациента П. развился миокардит после вакцинации, и предположим, что врач не проинформировал его о риске миокардита: можно ли тогда предположить, что миокардит у П. был вызван вакцинацией?

Другая группа случаев – это облегчение бремени доказывания, когда предполагаемый делинквент нарушил обязанность документировать определенные события таким образом, который позволил бы с достаточной вероятностью прояснить спорную причинно-следственную связь [18]. Непроведение медицинского обследования может в таких случаях привести к перекладыванию бремени доказывания каузальности (грубой) врачебной ошибки в причинении вреда здоровью, если она в принципе способна вызвать возникший вред. Перенос бремени доказывания «исключается только в том случае, если причинная связь, приводящая к ответственности, крайне маловероятна» [19]. Решения, в которых эта линия аргументации применялась для доказательства побочного воздействия вакцинации, в настоящее время неизвестны. Его применение представляется возможным, например, в случаях доказанных недостатков документации при проведении испытаний с целью получения разрешения на выпуск лекарственных препаратов или серийных тестирований в процессе их производства.

С. Особенности доказывания причинно-следственной связи

Доказательство причинно-следственной связи, особенно в контексте ответственности за ущерб (или, например, также для установления права на оспаривание договора, заключенного вследствие ошибки), обычно связано с особыми трудностями, не только в случае ответственности за ущерб, причиненный лекарственными препаратами или вакцинацией. Это обусловлено природой самой каузальности. Каузальность означает причинно-следственную связь между поведением лица и определенными явлениями

или событиями (или наоборот). Установление такой связи требует гипотетического рассмотрения, а именно предположения, что явления или события (например, ситуация пострадавшей стороны) были бы другими, если бы данное лицо повело бы себя иначе. Это соображение является спекулятивным и, строго говоря, даже не может быть доказано с уверенностью, а может быть сделано лишь в форме правдоподобного предположения на основе эмпирических значений (типичные, вероятные последовательности событий). Исходя из этого, немецкому праву известны различные подходы к уменьшению стандартов доказывания причинно-следственной связи.

Правило «indeterminate-defendant» в общем немецком деликтном праве (§ 830 I 2 BGB), вероятно, является самым широким с точки зрения уменьшения бремени доказывания. Если два лица совершают деликт независимо друг от друга в контексте одного и того же жизненного факта и невозможно установить, кто из двух предполагаемых виновников причинил вред, то оба являются солидарными ответчиками, чтобы невиновная пострадавшая сторона не несла риск недоказанности, хотя очевидно, что она имеет право на возмещение против одного из них [20]. В настоящем контексте причинения вреда вследствие вакцинации это положение, вероятно, не имеет большого значения. Хотя может стать актуальным, если человек, которому был нанесен вред здоровью (в частности, определенному органу), использовал вакцины разных производителей одну за другой, и несмотря на понимание наступления вреда здоровью в результате вакцинации, неясно, какой из двух препаратов причинил этот вред.

Более интересными для проблемы причинения вреда вследствие вакцинации являются специально-правовые средства уменьшения стандарта доказывания в материальном праве (ответственности) (см. I ниже) и облегчения доказывания в Гражданском процессуальном кодексе (см. II ниже).

I. Специально-правовое уменьшение стандартов доказывания

1. Презумпция причинно-следственной связи в случае конкретной возможности нанесения ущерба

В немецком законодательстве встречаются единичные случаи презумпции причинения вреда в случае особо опасных видов деятельности с конкретным потенциалом нанесения ущерба. Помимо Закона об экологической ответственности 1990 года, который предусматривает ответственность за воздействие технических систем на окружающую среду, с 2002 года также существует соответствующее положение в Законе о лекарственных средствах 1976 года (AMG). Таким образом, немецкий законодатель учитывает тот факт, что из-за своей сложной химической структуры лекарственные препараты неизбежно являются небезопасными продуктами, возможные побочные эффекты которых, хотя и изучены в клинических исследованиях, не могут быть выявлены и исключены с абсолютной уверенностью.

Если после применения лекарственного препарата человек погибает или его организму или здоровью будет причинен значительный вред, предполагается, что вред возник вследствие принятия лекарственного средства,

если оно «в обстоятельствах конкретного случая способно к причинению такого вреда» (§ 84 II 1 AMG). Поэтому одной абстрактно-общей способности лекарственного средства к причинению вреда недостаточно для того, чтобы сработала презумпция; необходима конкретная предрасположенность к причинению вреда. Это оценивается в зависимости от состава и дозировки используемого лекарственного средства, от вида и продолжительности его применения по назначению, от временной связи с возникшим ущербом, от характера ущерба и состояния здоровья потерпевшего на момент применения, а также от всех других обстоятельств, говорящих за или против причинно-следственной связи ущерба в конкретном случае (раздел 84 II 2 AMG). Однако фармацевтическая компания может опровергнуть презумпцию каузальности, если докажет, что «другое обстоятельство также могло способствовать причинению вреда в соответствии с обстоятельствами конкретного дела» (раздел 84 II 3 AMG). Правило выглядит вполне справедливым. Однако судебная практика показала, что презумпция каузальности остается в значительной степени неэффективной из-за возможности ее опровержения, как это трактуется судами (в соответствии с европейским законодательством [21]). Этого не меняет тот факт, что требование о возмещении ущерба сопровождается всесторонним требованием пострадавшей стороны к производителю лекарственных препаратов о предоставлении информации, направленной на разъяснение известных реакций, побочных эффектов и взаимодействий с другими лекарственными средствами (§ 84a AMG). Так, женщина, перенесшая тромбоэмболию легочной артерии после приема противозачаточных таблеток «Ясминель», проиграла дело о возмещении ущерба против компании-производителя Bayer AG. Оба суда первой и второй инстанции [22], не посчитали причинно-следственную связь доказанной, поскольку судебный эксперт не смог с необходимой уверенностью исключить альтернативные причины. Женщина совершила дальний перелет и страдала от врожденной аномалии вен.

Аналогичным образом безрезультатным оказался иск мужчины, перенесшего инсульт после приема препарата от ревматизма VIOXX против производителя Merck Sharp & Dohme [23]. Для сравнения: в США производитель VIOXX выплатил пострадавшим потребителям 4,85 миллиарда долларов США в рамках мирового соглашения [24, с.509]. В Германии жертвы Vioxx не получили никакой компенсации в результате решения Федерального Верховного суда от 26.3.2013. Это означает, что ответственность производителей фармацевтической продукции на основании § 84 Закона о лекарственных средствах (AMG) по настоящий день остается белым пятном. Несмотря на введение положения о презумпции в § 84 II AMG, насколько нам известно, ни один иск о возмещении ущерба против фармацевтической компании не был удовлетворен.

На этом фоне следует довольно скептически относиться к возможности привлечения к ответственности производителей вакцин против коронавируса, исходя из текущего состояния изученности вопроса о последствиях вакцинации. Ущерб здоровью в связи с вакцинацией редко бывает монокаузаль-

ным и обычно предполагает определенную предрасположенность со стороны пациента, что может открыть путь к исключению, предусмотренному § 84 II 3 AMG. Другое дело, если при вскрытии у пострадавшего будут обнаружены потенциально смертельные изменения тканей, которые, по мнению медицинских экспертов, могут быть вызваны только вакциной. В этом случае, однако, для пострадавшего уже слишком поздно, чтобы воспользоваться данной компенсацией.

2. Достаточность простой «вероятности»

Различные публично-правовые положения о компенсации в специальных законах при определенных условиях ограничиваются требованием простой «вероятности» причинно-следственной связи.

Уже упомянутый Закон о профилактике и борьбе с инфекционными заболеваниями человека (IfSG) предусматривает среди прочего, что лица, имеющие право на бесплатную вакцинацию против Covid-19 в соответствии с нормами социального законодательства (см. § 1 Постановления о вакцинации против коронавируса от 18.12.2020), получили вред здоровью «вследствие вакцинации», имеют право на компенсационные выплаты в соответствии с Законом о социальном обеспечении (Bundesversorgungsgesetz) [25], согласно которому (простая) «вероятность причинно-следственной связи» между вакцинацией и вредом здоровью является достаточной (§ 61 I в сочетании с § 60 IfSG) [26].

«Ущерб от вакцинации» – это «медицинские и экономические последствия вреда здоровью, вызванного вакцинацией, которые выходят за рамки обычной степени реакции на нее» (§ 2 № 11 Hs 1 IfSG). Согласно положению о применении Закона о социальном обеспечении «вероятность» причинно-следственной связи с точки зрения Закона о социальном обеспечении определяется, если «согласно современному состоянию медицинской науки, существует больше доказательств в пользу причинной связи, чем против нее» [27]. Можно также свести это утверждение к формуле «подавляющей вероятности», т. е. вероятности $> 50 \%$, но математическая точность, связанная с этим, является иллюзией. Речь идет не обо абстрактно-общем, а об индивидуальном рассмотрении, так что, строго говоря, вероятность в статистическом смысле, которая основана на воспроизводимых процессах, вообще не может быть установлена.

Между тем, законодатель идет еще дальше в вопросе упрощения процедуры доказывания. С одобрения высшего государственного органа, ответственного за заботу о жертвах войны, вред здоровью – в отдельных случаях или в целом – может быть «признан последствием травмы в смысле § 60 I 1 IfSG, если в медицинской науке все еще существует «неопределенность в отношении причины установленных страданий» и только по этой причине невозможно определить «вероятность» (так называемое «Kann-Versorgung», § 61 п. 2 и 3 IfSG) [28]. Дополнительное обеспечение может быть назначено, «если хорошо обоснованные научные рабочие гипотезы подтверждают причинно-следственную связь», но основная причина вреда здоровью не полу-

чила (пока) подтверждения на современном уровне развития медицинской науки [29]. Субъективное мнение отдельного ученого, отклоняющееся от текущего состояния медицинской науки, само по себе недостаточно для установления «неопределенности» по смыслу данного правила [30]. Хотя мнение большинства не требуется, должны быть выводы «в соответствии хотя бы с одной понятной научной доктриной», которые «говорят об общей связи между конкретными воздействиями и выявленным заболеванием, обычно подкрепленные статистическими исследованиями». Должна существовать не просто теоретическая возможность связи, а «хорошая возможность», которая еще не закрепились в общей доктрине медицинской науки, чтобы о ней можно было бы говорить как о подтвержденных знаниях [31].

Согласно судебной практике, изменение бремени доказывания, например, на основании доказательств *prima facie*, не может рассматриваться вне вышеупомянутых законодательных облегчений стандартов доказывания [32]. Только по этой причине то обстоятельство, что у пациента возникла реакция вскоре после проведения вакцинации, о которой несколько других вакцинированных пациентов ранее сообщали компетентному органу здравоохранения как о сомнительных побочных эффектах вакцинации, не является основанием для переноса бремени доказывания [33].

До сих пор неясно, как судебная практика будет применять вышеуказанные принципы в отношении вакцинации против Covid-19, если возникнут иски от лиц с проблемами со здоровьем, которые возникли у них во временной связи с вакцинацией. Это зависит от того, насколько суды готовы, помимо всеобщего энтузиазма в отношении вакцинации, принять голоса критически настроенных и предостерегающих ученых, в том числе патологоанатомов, число которых явно меньше, и которые приводят вероятную цепь последствий, связанную с вакцинацией [34].

II. Общее снижение стандарта доказывания в гражданском процессе в отношении причинно-следственной связи?

Вне сферы применения специально-правовых средств уменьшения стандарта доказывания, особенно в случае ответственности вакцинирующих врачей, становится важным вопрос о том, насколько может быть оправдано общее гражданско-процессуальное снижение стандарта доказывания в области каузальности. В литературе существуют различные подходы по достижению [общего] снижения стандарта доказывания [35]. Иногда утверждается, что из «ряда прямо выраженных законодательных положений о доказывании каузальности» в сочетании с «разумным толкованием признака каузальности» частично вытекает, что в целом оправданно «требовать только подавляющей вероятности» в качестве стандарта доказывания при доказывании причинно-следственной связи [36].

Такой подход представляется смелым, поскольку специальные средства снижения стандарта доказывания ограничены особыми ситуациями и не являются выражением общего правового принципа доказывания каузальности — помимо того, что неясно, что подразумевается под «подавляющей вероят-

ностью» в области, где, как в случае ущерба от вакцинации, не может быть определена численная вероятность.

III. Свободная оценка ущерба судом

Применительно ко всем искам о возмещении ущерба Гражданский процессуальный кодекс (§ 287 ZPO) наделяет судью правом свободно оценивать, был ли нанесен ущерб и в каком размере. Согласно преобладающему мнению, это является снижением стандарта доказывания, что означает, что требуемое в противном случае полное убеждение судьи не является необходимым для определения ущерба [37]. Поскольку ущерб должен быть причинно связан с (незаконным) поведением, послужившим основанием для иска, § 287 ZPO одновременно дает право в определенной степени оценить причинно-следственную связь.

Признается, что данное положение не предназначено для того, чтобы требования о возмещении ущерба могли быть удовлетворены «на основании принципа справедливости без материальной основы» [37]. Оценка ущерба не должна производиться, если установленные обстоятельства более не дают «достаточных оснований» для этого и результат «полностью повиснет в воздухе из-за отсутствия весомых дынных» [38].

В остальном разграничение полномочий по оценке в соответствии с § 287 I BGB и строгих требований к доказательствам в соответствии с § 286 ZPO (см. выше В.) еще не было «окончательно выяснено». По крайней мере, как представляется, существует согласие, что § 287 I BGB применяется к установлению размера (причинного) ущерба (так называемая каузальность, восполняющая ответственность), если уже установлено существование самого обязательства, т. е. (каузальная) реализация условия требования о возмещении ущерба (ответственность-устанавливающая причинность) [39].

Это приводит к рассмотрению вопроса о том, можно ли использовать § 287 ZPO для свободной оценки каузальности ущерба от вакцинации, если факт ответственности уже реализован посредством (простого) нарушения обязанности по информированию. Если вакцинирующий врач недостаточно полно проинформировал своего пациента о рисках вакцинации, то согласие пациента на вакцинацию считается недействительным. В этом случае непосредственные последствия вакцинации – укол и небольшое покраснение – уже являются телесным повреждением, влекущим за собой ответственность. Тогда получается, что последующий ущерб здоровью пациента, находящийся во временной связи с вакцинацией, например, миокардит, может быть отнесен к области ущерба, восполняющего ответственность по смыслу § 287 ZPO. Если бы такой аргумент мог действительно сработать, то мог бы тогда судья действительно свободно оценить, является ли миокардит следствием вакцинации? Это кажется формально правильным, но приводит к странному результату. Почему судья должен иметь возможность оценивать то, что вызывает споры даже среди врачей?

Заключение

Как и в других странах, проводивших кампании по вакцинации от Covid-19, в Германии были выявлены побочные эффекты серьезного характера, возникшие после вакцинации и находящиеся с ней во временной связи. Это привело к массовым сообщениям о подозрениях на нежелательные последствия вакцинации в государственное управление здравоохранения. Можно предвидеть, что в будущем возникнут судебные споры против вовлеченных субъектов – производителей, импортеров, вакцинирующих врачей и государства – о возмещении ущерба и выплате компенсаций.

Решающую роль здесь будет играть доказательство причинно-следственной связи, которое, как показывает опыт, является особенно трудным.

В этом могли бы помочь общие механизмы уменьшения стандартов доказывания для типичных процессов, судебные полномочия по оценке ущерба и особенно специальные облегчения доказывания в немецком материальном праве о лекарственных препаратах и инфекционном контроле, которые снижают стандарт доказывания, необходимый при доказывании причинно-следственной связи. Достаточно ли этих механизмов для оказания помощи пострадавшим лицам, в конечном счете, зависит от судебной оценки вероятности негативных последствий и доброй воли судов в этом вопросе. До тех пор, пока суды полагаются только на государственных экспертов, ответственных за кампанию по вакцинации, снижение стандарта доказывания будет бессмысленным.

Библиографический список

1. См. основной заголовок крупнейшей немецкой ежедневной газеты «Krank nach Impfung» («Больной после прививки») // Bild-Zeitung № 149/26 от 29.06.2022.

2. Отчет о безопасности от 04.05.2020 Института Пауля Эрлиха, обобщающий сообщения о предполагаемых случаях побочных реакций и осложнений от вакцинации, полученные с момента начала кампании вакцинации в Германии 27.12.2020 по 31.03.2022 // https://www.pei.de/SharedDocs/Downloads/DE/newsroom/dossiers/sicherheitsberichte/sicherheitsbericht-27-12-20-bis-31-03-22.pdf?__blob=publicationFile&v=5

3. Объединение государственных медицинских страховых компаний, ответ от 16.06.2022 // https://www.epochtimes.de/assets/uploads/2022/06/2022-06-16_Anfrage-_codierte-Impfnebenwirkungen-Covid-19.pdf

4. См. обзор: Dutta, Haftung für etwaige Impfschäden // NJW 2022, 649.

5. Федеральный социальный суд, Решение от 20.7.2005 – В 9a/9 VJ 2/04 R, juris – № 32.

6. Подробнее о перекладывании бремени доказывания в случаях врачебных ошибок см.: Foerste, Beweislastumkehr Beweiserleichterung nach groben und einfachen Behandlungsfehlern // Festschrift für Erwin Deutsch «Medizin und Haftung», 2009, с. 165.

7. Примерами являются распространение вакцин с истекшим сроком годности; обязательство по маркировке, например, в случае генно-инженерных вакцин в отношении активного ингредиента и названия генетически модифицированного организма или клеточной линии, использованной при производстве; инструкция в упаковке; государственные испытания партии; требования к каналу распространения и квалификации партнеров по распространению; обязанность предъявления сертификатов при импорте.

8. Подробнее Dutta, *id.*, NJW 2022, 649, 651: «Фармацевтические компании должны будут лишь доказать, что гипотетически нарушение одного из временно недействующих норм также могло привести к возникновению ущерба».

9. Вопрос о том, подпадает ли это вмешательство законодателя в общие нормы ГГУ об ответственности под «законно-разрешающее основание» (§ 5 II № 4 лит. а IfSG), является крайне проблематичным.

10. В законе по-прежнему упоминается ProdHaftG, но в случае нанесения вреда лекарственными препаратами этот закон заменяется AMG.

11. Prütting in: Münchener Kommentar [MüKo] ZPO, 6-е издание 2020, § 286, п. 41.

12. Федеральный Верховный суд, Решение от 17.2.1970 – III ZR 139/67, BGHZ 53, 245, «Великая княгиня Анастасия Романова», juris – № 72.

13. Reiner, Unternehmerisches Gesellschaftsinteresse und Fremdsteuerung, München 1995, S. 303.

14. Prütting in: MüKo ZPO, § 286, п. 50, который также говорит о «типизированной форме косвенных доказательств».

15. Аналогично Foerste, в: Musielak and Voit, ZPO, 19-е издание, 2022 г., § 286 № 27, о защитных законах и обязательствах по обеспечению безопасности дорожного движения.

16. Федеральный Верховный Суд, Решение от 16.11.1993 – XI ZR 214/92, BGHZ 124, 151, пункт II.2.а.

17. Ср., например, Terbille и Feifel in: Münchener Anwaltshandbuch Medizinrecht, 3-е издание 2020, § 1, № 844: «Врач несет бремя доказывания возражения против чрезмерной каузальности».

18. Так называемое обязательство по обеспечению доказательств, см. Федеральный Верховный суд, Решение от 13.9.2011 – VI ZR 144/10, NJW 2011, 3441, juris – № 8.

19. Федеральный Верховный суд, Решение от 13.9.2011 – VI ZR 144/10, NJW 2011, 3441, пункт II.1.

20. Röckrath, Kausalität, Wahrscheinlichkeit und Haftung, Munich 2004, p. 109.

21. Мы не будем далее углубляться в спор о том, нарушает ли презумпция § 84 II AMG положения Европейской директивы об ответственности за качество продукции 85/374/ЕЕС, которая, с одной стороны, возлагает бремя доказывания причинно-следственной связи между дефектом и ущербом на потерпевшую сторону (ст. 4), но, с другой стороны, однозначно допускает продолжение применения специальных норм об ответственности государств-

членов (ст. 13). Подробно: Böhmer, Neue Lösungsansätze zur Frage der Vereinbarkeit von § 84 Abs. 2 AMG mit der EU-Produkthaftungsrichtlinie, Wiesbaden 2021.

22. Landgericht Waldshut-Tiengen, Решение от 20.12. 2018—1 O 73/12; Oberlandesgericht Karlsruhe, Решение от 25.6.2021 – 4 U 19/19, подтвержден Федеральным судом, Постановление от 29.3.2022 и от 27.4.2022 – VI ZR 220/21.

23. Федеральный Верховный суд, Решение от 26.3.2013 – VI ZR 109/12.

24. Frank M. McClellan, The Vioxx Litigation: A Critical Look at Trial Tactics, the Tort System, and the Role of Lawyers in Mass Tort Litigation, 57 DePaul L. Rev. 509 (2008) Available at: <https://via.library.depaul.edu/law-review/vol57/iss2/14>; см. также Harrison Meyer, Collective Products Liability Actions in the European Union and the United States: A Vioxx Case Study, JILP 6.12.2020 (18-26) p. 21.

25. Компенсационные выплаты такого типа в соответствии с социальным законодательством не обеспечивают полного возмещения ущерба и компенсации за боль и страдания.

26. Дополнительные примеры требований о компенсации в соответствии с социальным законодательством при соответствующем упрощении доказательств причинно-следственной связи можно найти в Федеральном законе о пенсиях (BVG), который адресован жертвам Второй мировой войны (§ 1 III 1 BVG), и в Федеральном законе о компенсациях жертвам национал-социалистических преследований (Федеральный закон о компенсациях – BEG) (§ 15 I BEG).

27. Приложение к § 2 Постановления о медицинской помощи (Versorgungsmedizin-Verordnung) от 10.12.2008, часть С, 3. причинно-следственная связь, раздел 3.4 «Вероятность причинно-следственной связи», пункт 3.4.1.

28. Почти идентичные по формулировке § 1 III 2 BVG, а также § 81 VI 1 и 2 Закона о социальном обеспечении солдат для «признания расстройства здоровья как следствия травм, полученной на военной службе».

29. Так, Приложение к § 2 Постановления о медицинской помощи (Versorgungsmedizin-Verordnung) от 10.12.2008, часть С, 4. «Kann-Versorgung», пункт 4.2 (о § 1 III 2 BVG); из практики см. решение Социального суда Gelsenkirchen от 19.5.2021 – S 35 VJ 1144/17, juris – № 38 и далее: Суд применяет данное правило к причинно-следственной связи между вакцинацией против свиного гриппа VAXAGRIP и нарколепсией истца.

30. Социальный суд Gelsenkirchen, Urteil v. 19.5.2021 – S 35 VJ 1144/17, juris – № 40.

31. Федеральный социальный суд, Решение от 12 декабря 1995 г. – 9 RV 17/94, juris – № 14, о заболевании коленного сустава у солдата как возможной травме на военной службе; Впоследствии Государственный социальный суд Нижней Саксонии-Бремен, Решение от 28 января 2021 г. – L 10 VE 11/16, juris – № 46, о неврологическом заболевании военнослужащего после введения вакцины «Стамарил» от желтой лихорадки.

32. Федеральный социальный суд, решение от 5.6.2020 – В 9 V 4/20 В, № 6; ранее также Федеральный социальный суд, решение от 27.8.1998 – В 9 VJ 2/97 R, juris – № 17, еще на основании предшествующего Федерального закона об эпидемиях.

33. Федеральный социальный суд, решение от 5.6.2020 – В 9 V 4/20 В, juris – № 5 и 6, о возможном причинении вреда после вакцинации от гепатита А.

34. Федеральный конституционный суд, например, в своем решении о конституционности положения об обязательной частичной вакцинации в сфере здравоохранения, по существу, опирался на оценку ученых государственного управления здравоохранения, а также правительственных экспертов в отношении рисков вакцинации (решение от 27.4.2022 – 1 BvR 2649/21).

35. Prütting, in: MüKo ZPO, § 286, № 48: «большое количество попыток».

36. Prütting, in MüKo ZPO, § 286, Rz. 48; см. подробнее Fuchs, Das Beweismaß im Arzthaftungsprozess, 2005, S. 145. Критерий «преобладающей вероятности» (каузальности) должен относиться к конкретному частному случаю и не должен пониматься абстрактно-общим образом, потому что иначе он был бы излишним. Если вакцина действительно вызывает измеримые побочные эффекты в более чем половине случаев, это обстоятельство согласно общим принципам доказывания, уже должно служить *prima facie* доказательством вреда от ее применения.

37. Prütting, in: MüKo ZPO, § 287, п. 3.

38. Федеральный Верховный суд, решение от 22.5.1984 – III ZR 18/83, BGHZ 91, 243, 257, juris – № 55.

39. См. о применении ограничения § 287 ZPO к оценке (последующего) ущерба, когда факт наступления ответственности уже установлен, Федеральный Верховный суд, решение от 4.11.2003 – VI ZR 28/03, juris – № 14 f.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

**Кафедра гражданско-правовых дисциплин
при информационной поддержке Волгоградского регионального
отделения общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России»**

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ (МЕДВЕДЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2022)

**Сборник материалов международной
научно-практической конференции памяти
Михаила Федоровича МЕДВЕДЕВА
(1925–2011)**

Волгоград, 2022

УДК 347.45/.47(063)
ББК 67.404.219.4я431
Т 33

Под общей редакцией:

кандидата юридических наук, доцента **Е. Н. Агибаловой**;

кандидата юридических наук, доцента **И. Б. Иловайского**

Т 33 Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2022): сборник материалов международной научно-практической конференции памяти М. Ф. Медведева (г. Волгоград, 20 мая 2022 г.) [материалы] / под общей ред. Е. Н. Агибаловой, И. Б. Иловайского; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. – 1 электрон. опт. Диск (CD-ROM). – Систем. требования: IBM PC с процессором 486; ОЗУ 64 Мб; CD-ROM дисковод; Adobe Reader 6.0. – Загл. с экрана. – 268 с.

В сборнике представлены материалы международной научно-практической конференции памяти Михаила Федоровича Медведева (1925–2011) «Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах» (Медведевские чтения 2022), которая состоялась в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС 20 мая 2022 года.

Организатором этого мероприятия выступила кафедра гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС при информационной поддержке Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Целью конференции являлось обращение внимания на актуальные вопросы современного деликтного права, исследование которого составляло при жизни область научных интересов профессора кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС М. Ф. Медведева.

Вошедшие в сборник материалы отражают результаты исследований известных и молодых ученых не только города Волгограда, но и других регионов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Оренбурга, Республики Крым), а также зарубежных стран (Германии, Республики Беларусь, Республики Таджикистан) по современным аспектам гражданского права в сфере деликтных обязательств.

Работы носят научный характер и будут интересны преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам юридических факультетов, представителям органов власти, практикующим юристам, специалистам в области деликтного права.

Печатается на основании решения ученого совета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС от 23.06.2022, протокол № 9.

Тексты статей прошли научное рецензирование и редакционную правку.

За содержание статей ответственность несут авторы.

Точки зрения редакторов и авторов могут не совпадать.

ISBN 978-5-7786-0862-7

© Волгоградский институт управления –
филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2022

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

**Кафедра гражданско-правовых дисциплин
при информационной поддержке Волгоградского регионального
отделения общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России»**

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ (МЕДВЕДЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2022)

**Сборник материалов международной
научно-практической конференции памяти
Михаила Федоровича МЕДВЕДЕВА
(1925–2011)**

Волгоград, 2022

УДК 347.45/.47(063)
ББК 67.404.219.4я431
Т 33

Под общей редакцией:

кандидата юридических наук, доцента **Е. Н. Агибаловой**;

кандидата юридических наук, доцента **И. Б. Иловайского**

Т 33 Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2022): сборник материалов международной научно-практической конференции памяти М. Ф. Медведева (г. Волгоград, 20 мая 2022 г.) [материалы] / под общей ред. Е. Н. Агибаловой, И. Б. Иловайского; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. – 1 электрон. опт. Диск (CD-ROM). – Систем. требования: IBM PC с процессором 486; ОЗУ 64 Мб; CD-ROM дисковод; Adobe Reader 6.0. – Загл. с экрана. – 268 с.

В сборнике представлены материалы международной научно-практической конференции памяти Михаила Федоровича Медведева (1925–2011) «Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах» (Медведевские чтения 2022), которая состоялась в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС 20 мая 2022 года.

Организатором этого мероприятия выступила кафедра гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС при информационной поддержке Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Целью конференции являлось обращение внимания на актуальные вопросы современного деликтного права, исследование которого составляло при жизни область научных интересов профессора кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС М. Ф. Медведева.

Вошедшие в сборник материалы отражают результаты исследований известных и молодых ученых не только города Волгограда, но и других регионов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Оренбурга, Республики Крым), а также зарубежных стран (Германии, Республики Беларусь, Республики Таджикистан) по современным аспектам гражданского права в сфере деликтных обязательств.

Работы носят научный характер и будут интересны преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам юридических факультетов, представителям органов власти, практикующим юристам, специалистам в области деликтного права.

Печатается на основании решения ученого совета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС от 23.06.2022, протокол № 9.

Тексты статей прошли научное рецензирование и редакционную правку.

За содержание статей ответственность несут авторы.

Точки зрения редакторов и авторов могут не совпадать.

ISBN 978-5-7786-0862-7

© Волгоградский институт управления –
филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2022

МЕДВЕДЕВ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ
(1925-2011)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

<i>Аширбекова М. Т.</i> О значении научного наследия профессора М. Ф. Медведева в подготовке юристов	7
---	---

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

<i>Анисимов А. П.</i> Современные проблемы охраны климата в контексте теории экологических деликтов	11
<i>Артамонникова С. В.</i> Ответственность нотариуса: сравнительно-правовой анализ на примере Российской Федерации и Испании	18
<i>Батурина Н. И., Котельников Н. В.</i> Актуальные проблемы возмещения вреда, причиненного несовершеннолетним на досудебной стадии уголовного судопроизводства	25
<i>Вольфсон В. Л.</i> Требование о выплате компенсаций за нарушение исключительного права на объекты интеллектуальной собственности в контексте российской модели деликтной ответственности	30
<i>Глебов В. Г.</i> Компенсация морального вреда при реабилитации в уголовном процессе	44
<i>Кайль Я. Я.</i> Презумпция вины: достоинства и недостатки	49
<i>Кравченко Н. А.</i> Некоторые особенности возмещения вреда, причиненного налоговыми органами при реализации мероприятий налогового контроля... ..	57
<i>Кратенко М. В.</i> Институт ответственности за вред вследствие дефектной продукции в праве России и зарубежных стран	62
<i>Кузбагаров М. Н.</i> Обстоятельства непреодолимой силы как основания освобождения от гражданско-правовой ответственности	73
<i>Летута Т. В.</i> Принципы деликтной ответственности.....	78
<i>Маркелова А. А., Карачун А. В.</i> Особенности возмещения вреда, причиненного в результате фактического изъятия земельных участков	85

Митрофанова И. А. Ответственность нотариуса при отказе в совершении нотариального действия.....	94
Осетрова А. Ю. Обязательное экологическое страхование ответственности владельцев производственных объектов в системе профилактики экологических деликтов	100
Райнер Г., Пиплак А. Требования к доказыванию причинно-следственной связи в случаях причинения вреда вследствие вакцинации от COVID-19: замечания к немецкому праву	105
Рутман Е. Я. Компенсация морального вреда как вид деликтных обяза- тельств: некоторые вопросы праворегулирования в Республике Беларусь....	120
Рыженков А. Я. Экологические деликты: правовые основы регулирования.....	128
Стрилец Л. Е. Особенности солидарной ответственности за совместно причиненный вред.....	138
Федосеев П. С. К вопросу о применимости термина «деликтное право» в российской цивилистике.....	147

МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

Абезин Д. Д. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями органов публичной власти	152
Бородин Д. В. Тенденция замены деликтных обязательств страховыми	158
Воробьева П. В. Понятие вины как условия привлечения к гражданско-правовой ответственности.....	165
Гусейнов Т. А. Отдельные проблемы правового регулирования обязательств, возникающих из столкновения судов в международном морском частном праве: национальный и коллизионный аспект	171
Давлатзода Х. М. К вопросу о функциях гражданского истца по УПК республики Таджикистан.....	177
Комилжонов Р. И. Привлечение учредителя исключенного юридического лица к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве.....	182

Кудряшов Д. В. Экологические деликты как основания гражданско-правовой ответственности	188
Кузнецов Г. Д. Основания освобождения от ответственности продавца и производителя за вред, причиненный вследствие недостатков товара, работы или услуги	194
Култаев В. А. Установление вины в публичном деликте, произошедшем в результате сбоя информационной системы.....	200
Кураев Д. Д. Противоправность как условие деликтного обязательства арбитражного управляющего	207
Локтионова Е. В. Юридические аспекты возмещения вреда, причиненного водным объектам	213
Макарова-Землянская А. А. Проблемы доказывания вреда, причиненного с использованием информационных технологий и искусственного интеллекта	218
Москаленко Д. А. Основания компенсации морального вреда, предусмотренные гражданским законодательством: перспективы развития.....	224
Подъяпольская В. А. Проблема определения морального вреда, причиненного лицу	229
Сухова А. В. Особенности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный детьми несовершеннолетних родителей	235
Хрипунов А. И. Роль причинно-следственной связи в составе деликта в предпринимательском праве	241
Яновская Ю. А. Проблемы доказывания причинной связи в токсичных деликтах	247
ФОТООТЧЕТ О КОНФЕРЕНЦИИ	252